

ОБРАЗ СОБОРНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТИКИ ЧАСТИ И ЦЕЛОГО

Обросов М.О.¹

¹ ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», Омск, Россия (644077, г.Омск, пр.Мира, 55а), e-mail: obrosovm@mail.ru.

Данная статья посвящена рассмотрению и осмыслению образа соборности, введённому в русскую религиозную философию А.С.Хомяковым, и затем получившему в её рамках широкое распространение, являясь одной из вершин самобытной русской мысли. Образ соборности рассматривается сквозь призму диалектики части и целого, и получает через неё своё более ясное и отчётливое выражение. Этот образ является теснейше связанным с категориями «часть» и «целое», со сложной и противоречивой спецификой их взаимодействия, и являет собой по отношению к ним некое третье синтезирующее начало, которое преодолевает противоречия между ними, и приводит их к гармоничному единству. Образ соборности избавляет взаимодействие части и целого от крайностей, от исключительного преобладания той или другой стороны в данной паре противоположностей. Это третье синтезирующее противоположности начало должно обладать двумя общими свойствами: оно должно быть трансцендентным по отношению к противоположностям части и целого, а также оно должно быть лишено качественной определённости этих противоположностей и не быть определяемым ни частью, ни целым.

Ключевые слова: соборность, часть, целое, свобода, единство, третье начало

THE IMAGE OF SOBORNOST THROUGH PRISM OF THE DIALECTICS OF PART AND WHOLE

Obrosovm M.O.¹

¹ Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia (644077, Omsk, street Mira, 55a), e-mail: obrosovm@mail.ru

This article is devoted to the consideration and comprehension of the image of sobornost, which was introduced in the Russian religious philosophy by A. S. Khomyakov, and then received in the framework of it a wide distribution, being one of the most high sample of original Russian thought. The image of sobornost is viewed through prism of the dialectics of part and whole, and receives through it its more clear and distinct expression. This image is closely associated with the categories "part" and "whole", with complex and contradictory specifics of their interaction, and represents to them a third synthesizing principle, which overcomes the contradictions between them, and leads them to a harmonious unity. The image of sobornost saves the interaction of part and whole from the extremes, from the exclusive predominance of one or the other side in this pair of opposites. This is the third synthesizing opposites principle must possess a two general properties: it must be transcendental in relation to the opposites of part and whole, and it is to be deprived of quality certainty of these opposites, and not be defined neither part nor whole.

Keywords: sobornost, part, whole, freedom, unity, third principle

Образ соборности был введён в контекст русской религиозной философии А.С. Хомяковым. Этот образ есть огромное достижение русской мысли, более того, он является одним из высших её достижений. Образ соборности преодолевает противоречия внутри таких пар противоположностей как: единое и многое, целое и часть, общее и индивидуальное, единство и свобода. Н.О. Лосский пишет о Хомякове: «В своей критике Римско-католической церкви и протестантства Хомяков использует как отправной пункт принцип соборности, или общинности, а именно сочетание единства и свободы, опирающееся на любовь к Богу и Его истине и на взаимную любовь ко всем, кто любит Бога. В католицизме Хомяков находит единство без свободы, а в протестанстве – свободу без

единства. В этих вероисповеданиях нашли своё осуществление только внешнее единство и внешняя свобода. Юридический формализм и логический рационализм Римско-католической церкви имели корни в римском государстве» [1, с. 42]. Далее Лосский пишет: «Рационализм католицизма, установивший единство без свободы, вызвал к жизни как реакцию на существующее положение другую форму рационализма – протестантство, которое осуществляет свободу без единства. Библия, сама по себе безжизненная книга, субъективно толкуемая каждым отдельным верующим, является основой религиозной жизни протестантов» [1, с. 43]. Таким образом, Хомяков показывает, что нарушение органичного синтеза единства и свободы (который раскрывается в образе соборности) и исключительное утверждение одной из этих сторон в обоих случаях ведёт к упадку, к потере глубинного содержания, к скатыванию в поверхностный рационализм и формализм.

Хомяков изображает католическую церковь как авторитарную иерархическую структуру, основанную на непреложных догматах, и которая властно объединяет верующих в одно целое. Тем самым отдельный индивид лишается свободы, он вписан в жёсткие рамки надындивидуального целого, которые он не смеет нарушать. Протестантизм же освобождает индивида от авторитарного влияния на него церкви, он даёт человеку свободу как религиозной, так и мирской жизни. В первом случае мы видим примат целого над индивидами, во втором – свержение целого и освобождение индивидов. Принцип соборности же является объединением свободных индивидов и их общности, которая предстаёт как надындивидуальное целое. Это происходит на основе свободного устремления индивидов к абсолютным ценностям, на основе их любви к этим ценностям, которые являются универсальными и объединяют всех индивидов. Для этого каждый индивид должен выйти из своей частной жизни, из нахождения только в своих относительных ценностях и устремиться к ценностям универсальным, абсолютным.

Итак, мы постепенно подошли к проблематике целого и части, которая напрямую касается принципа соборности. Целое и часть – это диалектически связанные категории, они находятся в теснейшей взаимосвязи, и не мыслятся полностью отдельными друг от друга. Они являют собой диалектическое отношение единства и борьбы.

И целое и его части обладают относительной автономией по отношению друг к другу. Например, в платонической философской традиции однозначно утверждается автономность целого (мира идей, единого) от частей (мира вещей, многого) [3]. У Прокла: «Всякое множество тем или иным образом причастно единому» [4, с. 9], или «всякое множество вторично в сравнении с единым» [4, с. 11]. Единое, мир идей это самоидентифицирующиеся, замкнутые идеальные сущности, которые пребывают сами в себе. В силу этой самоидентифицируемости они не соприкасаются с миром вещей (иначе они бы перестали быть

самотождественными), и существуют независимо от них. Вещи же, в своём существовании зависимы от идей, которые являются прообразами всех существующих вещей и определяют их. Даже если бы не было мира вещей, мир идей всё равно бы пребывал в своём вечном и неизменном существовании, не испытав от этого никакого ущерба.

Противоположностью платонической традиции является философская традиция, идущая от киников и мегарцев, которые были современниками Платона и его непримиримыми противниками. Далее эта традиция нашла своё продолжение в номинализме, эмпиризме, и, затем, в позитивизме. Данные направления отрицают самостоятельное, автономное существование целого, целое в данной традиции есть лишь сумма частей. Всё сверхчувственное, объединяющее отдельные части должно быть срезано, тем самым, освобождая эти части (бритва Оккама). Целое в данной традиции не обладает реальным существованием, оно всегда есть нечто произвольное, условное, нужное лишь для обозначения, систематизации, классификации частей в процессе их познания. Также утверждается, что сами по себе части не нуждаются в организующей силе высшего целого, они обладают способностью к самоорганизации, и способны развиваться по своим внутренним (независимым от целого) законам. Примером этого может служить идея эволюции, утверждающая, что живая материя может развиваться исходя только из своих внутренних законов (борьба за выживание и естественный отбор), идея же творения живых существ Богом с этих позиций становится необязательной и излишней.

Наряду с относительной автономией друг от друга целое и часть находятся в отношениях взаимного подчинения, обуславливания и зависимости. Целое довлеет над частью, оно оформляет, выстраивает, структурирует части определённым образом, задавая отношения между ними, сплачивая их в единство. Часть в такой ситуации несвободна, она полностью определяется целым и не обладает возможностью самоопределения. Целое тоталитарно, оно заставляет часть быть такой-то и только такой-то, лишая её многих возможностей. Хорошей иллюстрацией этому является образ идеального государства Платона [2], где все люди, составляющие общество, жёстко определены высшими идеальными принципами (миром идей, строением души) и многочисленными предписаниями. Идеальное в данном случае тотально довлеет над индивидом, который является лишь безликой клеточкой этой суровой идеальной структуры государства.

Но и часть обладает несомненным влиянием на целое. Целое не полностью автономно от его частей, оно с ними связано. Каждая часть подобна ниточке, которая соединена с целым, и если за неё потянуть, то можно приблизить целое. Если же потянуть за все ниточки (полная сумма частей), то с практически полной вероятностью можно инициировать целое. Иллюстрацией этому может послужить метод свободных ассоциаций З.Фрейда, когда на

основе нескольких деталей (или даже одной) человек, не погружаясь в гипноз, может припомнить целостную травматическую ситуацию из своего прошлого. И чем больше элементов этой ситуации имеется, тем с большей вероятностью она актуализируется, припомнится. Целое не может существовать вне частей, части являются его носителями. Целое надындивидуально, и без индивидов оно лишается своей воплощённости, своей силы, оно теряет свой смысл и свою функцию без частей.

Таким образом, целое и часть являются теснейше связанными друг с другом, они дают друг другу существование и смысл этого существования. Без одного нет и другого, одно без другого просто не мыслится. Но, вместе с тем, они и противоположны. Они отрицают друг друга, каждая из сторон усиливается на основе отрицания и умаления другой, каждая из них стремится встать над противоположной стороной, сделаться первичной и даже единственной. Целое в своём крайнем утверждении стремится практически полностью нивелировать части, превратив их практически в ничто, подобно тому, как в платонической философской традиции чувственно воспринимаемый мир вещей представляется как иллюзорный мир теней неких вечных и подлинных идеальных сущностей. Части же в своём крайнем утверждении, наоборот, стремятся полностью нивелировать целое, свести его к своей сумме (целое – есть сумма частей и ничего более), лишить его определяющей силы, и утвердить собственную способность к организации и определению собственного развития. Целое и часть относительно автономны друг от друга, но абсолютной автономии, к которой обе противоположности стремятся, они не могут достичь. Слишком сильна глубинная связь между ними. Неразрывное единство целого и части мы находим во всём сущем, как во всём данном нам внешнем мире, так и в себе самих. Поэтому предельное утверждение каждой из сторон невозможно, оно необходимо ограничено другой стороной.

Поговорив вкратце о диалектике целого и части, теперь перейдём к тому, что же являет собой образ соборности сквозь призму этой диалектики? Это такое единство, где, с одной стороны, нет засилья целого над частью, где часть не теряет свою свободу и индивидуальность, а с другой, где часть в своём становлении не вырывается из контекста своего целого, и не вступает с ним в противостояние. Свобода части в контексте целого ограничена, но часть не испытывает принуждение со стороны целого, так как она свободно разделяет тот порядок, который задаётся целым. Абсолютизация свободы части приводит к отрыву её от целого, она теряет своё основание в нём. Часть обладает свободой, но свобода эта относительная. Часть жертвует своим стремлением к абсолютной свободе ради того, чтобы находиться в предельном, абсолютном целом (а не в относительном). Ведь источником для образования соборного единства является стремление частей к абсолютным ценностям, к

предельной полноте бытия, которой каждая из частей сама по себе не обладает, она начинает обладать этой полнотой только в единстве с другими частями.

В соборном единстве целого и части помимо свободы не теряется и индивидуальность части. Целое не абсолютно довлеет над частью и даёт ей возможность свободного индивидуального развития, углубления и дифференцирования индивидуальных качеств и особенностей части. Но, с другой стороны, индивидуальность части и её индивидуальное развитие ограничиваются целым. Целое не даёт части оторваться, обособиться, слишком далеко отклониться от задаваемого целым порядка. Таким образом, часть не отрывается от других частей, оформленных порядком целого, сохраняет своё единство, сходство и сопоставимость с ними. Сохраняется и порядок, задаваемый целым. Абсолютизация же свободы и индивидуальности частей ведёт к разрушению образуемого ими порядка, ведёт к хаотическому и атомарному бытию частей.

В образе соборности целое и части избавлены от своей абсолютизации, они взаимно ограничены друг другом, но при этом они и не подавляют друг друга, не переходят во взаимное интенсивное отрицание. Но какая из этих сторон является первичной и главной в образе соборности? И есть ли вообще такая сторона в данной паре? В образе соборности первичной и главной стороной является целое, целое первично по отношению к частям, оно определяет их более, чем части его. Образ соборности, прежде всего, утверждает единство, цельность, которые включают в себя все отдельные части, единство в образе соборности первичнее свободы частей. Но это единство не абсолютно довлеет над частями, оно относительно ограничено и определяемо ими, оно даёт им свободу. Таким образом, образ соборности представляет собой органическое единство целого и частей при относительном преобладании целого в данной паре противоположностей.

Но для того, чтобы между противоположностями возникло единство необходимо третье, примиряющее их начало, так как сами из себя противоположности не могут дать это единство, они лишь будут стремиться исключить друг друга, победить одно другое. Вот что об этом говорил Вл.Соловьёв: «Но человечество не есть мёртвое тело и история не есть механическое движение, а потому необходимо присутствие третьей силы которая даёт положительное содержание двум первым, освобождает их от исключительности, примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов, созидает таким образом целость общечеловеческого организма и даёт ему внутреннюю тихую жизнь» [5, с. 29].

Это третье начало с необходимостью должно находиться за пределами каждой из противоположностей, являясь для них своего рода трансцендентной функцией, объединяющей данные противоположности. Это начало должно быть свободно от

исключительного влияния той или другой противоположности, и, соответственно, от конфликта, наличествующего между ними. Конфликт находится лишь на уровне противоположностей, на уровне третьего начала его уже нет. Третье начало являет собой такой уровень, на котором данный конфликт снимается, на нём выявляется глубинная связь, глубинное единство противоположностей, тогда как уровень конфликта представляется чем-то более вторичным и поверхностным.

Ещё одним качеством третьего начала, помимо его трансцендентности, должна быть его нейтральность, или безкачественность относительно данной пары противоположностей. Третье начало свободно от качественной определённости, оно является неким нейтральным полем, в котором, во многом теряя свои качества, отличия, очертания, противоположности сливаются. Примиряющее начало, таким образом, не находит различия между противоположностями, оно нивелирует противоречия между ними. Образ соборности и является именно тем самым третьим началом, примиряющим противоречия целого и части.

Образ соборности неслучайно возник и получил своё развитие именно в русской среде (в русской религиозной философии). Это во многом связано с особым географическим и культурно-историческим положением России между противоположными мирами Востока и Запада. Россия находится на границе между этими культурно-историческими целостностями. Таким образом, она находится вне как одной, так и другой целостности, она трансцендентна им. Россия тесно связана и с Востоком, и с Западом, но, одновременно с этим, она есть нечто отличное от них, и является посредником между ними, представляя собой третье синтезирующее начало для противоположных миров Востока и Запада. Как примиряющее начало Россия лишена яркой качественной определённости, которая присуща Востоку и Западу.

П.Я. Чаадаев, отмечая эту особенность России, но, выделяя лишь негативный аспект этой особенности, писал: «Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили» [6, Письмо первое]. Как бы в ответ на это звучат слова Вл. Соловьёва о русском народе: «Такой народ не должен иметь никакой специальной задачи, он не призван работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщить живую душу, дать жизнь и целостность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом. Такой народ не нуждается ни в каких особенных преимуществах, ни в каких специальных силах и внешних дарованиях, ибо он действует не от себя, осуществляет не своё. От народа – носителя третьей божественной силы требуется только свобода от всякой ограниченности и односторонности.... А эти свойства, несомненно,

принадлежат племенному характеру Славянства, в особенности же национальному характеру русского народа» [5, с. 38 - 39].

Список литературы

1. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Академический Проект, 2007. – 551 с.
2. Платон. Государство // Сочинения в 4 т. – СПб.: СПбГУ; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – Т. 3. Ч. 1. – С. 97-493.
3. Платон. Парменид // Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 346-413.
4. Прокл. Первоосновы теологии. – М.: Издательская группа «Прогресс», VІА, 1993. – 319 с.
5. Соловьёв В. С. Три силы // Соловьёв В.С. Смысл любви: Избранные произведения. – М.: Современник, 1991. – С. 28–41.
6. Чаадаев П.Я. Философические письма. Статьи. Афоризмы. Письма. – М.: Эксмо, 2006. – 544 с.

Рецензенты:

Филатов В.И., д.ф.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им.Ф.М. Достоевского», г. Омск;

Бондаренко И.А., д.ф.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им.Ф.М. Достоевского», г. Омск.